

УДК 94
ББК 63.3(2)6
Я 91

Ю.А. Яхутль,

кандидат исторических наук, заместитель главы администрации МО «Тахтамукайский район» Республики Адыгея, контактный телефон 8-918-117-47-57, v518mo@yandex.ru

Проблемы нэпа в отечественной историографии (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются этапы изучения новой экономической политики исторической наукой. Взгляды исследователей по данной проблеме часто определялись политической конъюнктурой. Лишь в последние годы появились работы, которые смогли дать объективную оценку задачам и целям новой экономической политики.

Новые архивные материалы, включенные в научный оборот, позволяют исследователям проследить процесс зарождения и развития новых экономических и общественных отношений на начальном этапе строительства социалистического общества в России.

Периоды изучения нэпа в исторической литературе во многом совпадают с коренными изменениями в истории страны. Но интерес к данной проблеме не ослабевает. Опыт нэпа востребован в период экономических реформ, развития экономики переходного периода.

Ключевые слова: новая экономическая политика, аграрная политика, историография, регион, реформа, казак, советская власть.

Yu.A. Yakhutl,

Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of Takhtamukaysky Area Administration of Adygeya Republic, ph. 8-918-117-47-57, v518mo@yandex.ru

New Economic Policy in a domestic historiography

Abstract. The paper examines stages of studying new economic policy by a historical science. Researchers' views on this problem are often defined by a political state of affairs. Recent works give an objective estimation of the purposes of new economic policy.

The new archival materials allow researchers to track the process of origin and development of new economic and public relations at the initial stage of building a socialist society in Russia.

The periods of studying the New Economic Policy in the historical literature coincide in many respects with basic changes in the history of the country. But interest to this problem doesn't weaken. New Economic Policy experience is claimed in the period of economic reforms and during transitional economy development.

Keywords: new economic policy, an agrarian policy, a historiography, region, reform, the Cossack, the Soviet power.

Новая экономическая политика, принятая в 1921 г. X съездом РКП (б) стала новым этапом в становлении и развитии советской экономики. Нэп оказала значительное влияние на последующий ход истории России.

Главными составляющими звеньями в начатых реформах были: замена продразверстки на продовольственный налог; использование рыночных механизмов и различных форм собственности; привлечение иностранного капитала; проведение денежной реформы (1922-1924 гг.) и др. Создание экономической основы социализма путем высоких темпов индустриализации за счет сельского хозяйства стало основой внутренней экономической политики партии большевиков. С проведением либеральных реформ в экономике продолжалось укрепление партийно-государственной бюрократии.

В этих условиях российская интеллигенция была отстранена от решения экономических проблем страны. Оппозиция, существовавшая внутри партии, не могла быть источником альтернативы в поиске путей реформ, экономических преобразований. Главная политическая цель нэпа состояла в том, чтобы снять социальную напряжённость, укрепить социальную базу советской власти, имеющую в основе союз рабочих и крестьян. В экономической сфере необходимо было предотвратить дальнейшее углубление экономического кризиса. Именно эти вопросы стали предметом изучения в большинстве исследований ученых, как в нашей стране, так и за рубежом.

Историография новой экономической политики, форм и методов её реализации, социальные протесты и многое другое в разные периоды трактовались по-разному. В начале двадцатых годов у молодой советской власти не было иной альтернативы как методом проб и ошибок реализовать то, ради чего была совершена социалистическая революция. Вопрос в том, оправданы были те или иные методы и формы во внутренней политике? Возможность альтернативы существовала, проявлялось это в ходе внутрипартийных дискуссий. Но какова была гарантия, что альтернативный курс не привел бы к тем же результатам. Объективная оценка без идеологического штампа должна стать основой в осмыслении реформ 20-х годов и возможности использования их опыта на современном этапе развития страны.

Нэп в понимании В.И. Ленина означал возможность использования в интересах социализма товарного производства, товарно-денежных отношений, хозрасчёта и материального стимулирования. Он считал, что торговля является единственно возможной формой связи социалистической промышленности с мелкобуржуазным крестьянским хозяйством [1].

Партийные функционеры понимали реформы как временное отступление, обусловленное особыми внутренними условиями и международной обстановкой. Одним их активных исследователей новой экономической политики был Л. Каменев, который признавал, что предстоящий путь строительства социализма займет немало времени и, в первую очередь, по причине слаборазвитой экономики страны. По его мнению, задача нэпа заключалась в том, чтобы дать импульс развитию промышленности на основе крестьянского хозяйства [2]. Л. Каменев утверждал, что нэп был надолго, так как стояла задача не только восстановления, но и дальнейшего развития экономики страны.

Общих, единых теоретических основ у исследователей того периода не было. Они связывали нэп с политическим кризисом и событиями марта 1921 г. в Кронштадте и считали видоизмененным продолжением политики «военного коммунизма». Нэп был необходимостью переходного периода с временным допуском в экономику капиталистических элементов, которые в дальнейшем должны быть ликвидированы [3].

В исследовательской литературе двадцатых годов изучались вопросы союза рабочего класса и крестьянства, торговли, политики цен, финансов, кредита, кооперации, налоговой политики, бюджетного процесса и др. [4]. Основной причиной неудовлетворительного роста экономики считали наличие политического диктата партии большевиков и в целом всей политической системы [5].

В двадцатые годы были опубликованы первые исследования, посвященные аграрной тематике Юга России [6].

В 1929 г. в Коммунистической академии прошла дискуссия, посвященная нэпу. По мнению исследователей, нэп решил экономические проблемы к этому периоду, и это означало, что дальнейшее использование этих принципов было нецелесообразным. Считалось, что данная политика была продиктована исключительно особенностями структуры экономики страны, где доминировало крестьянское мелкотоварное хозяйство. В 1938 г. в издании «История ВКП (б). Краткий курс» были подведены итоги первого этапа изучения причин и последствий реализации новой экономической политики.

Коренной перелом в советской историографии по проблемам нэпа произошел в период с 30-х гг. по первую половину 50-х годов, когда в СССР установилось полное господство официальной коммунистической идеологии и практики хозяйствования.

Радикальные изменения в странах Западной Европы во второй половине XX века возродили интерес к проблематике новой экономической политики. Были опубликованы работы, посвященные восстановлению экономики двадцатых годов [7].

Ю. Ларин, С.Г. Струмилин, Э.Б. Генкина, Ю.А. Поляков, И.Б. Берхин и другие исследователи рассматривали нэп не только как ведущую, по сути дела, но и единственную тенденцию в развитии экономической политики страны двадцатых годов. Это приводило, возможно, к переоценке нэпа и её значения по степени влияния на общественно-политические процессы в обществе. Не всегда хватало объективности в оценке деятельности руководителей страны, оценке противоречий в самом нэпе и её кризисах, узости экономических реформ.

В конце 60-х - начале 70-х годов появляются работы, посвященные реализации нэпа на региональном уровне. Это позволило включить в научный оборот большое количество новых документов регионального характера [8].

Во второй половине восьмидесятых годов XX века в историографии наметились значительные изменения, связанные с переменами, которые происходили в СССР. В этот период возникают первые попытки отойти от идеологической зависимости в трактовке как построения социализма, так и возможностей использования рыночного механизма в этом процессе. Экономисты, историки искали в нэпе истоки перестройки и аргументы для анализа причин деформации социализма.

Переход к рыночной экономике в Российской Федерации с 90-х гг. XX в. привлек исследователей к истории двадцатых годов XX столетия [9]. Изучались проблемы экономического, социального характера и особенности развития аграрного сектора экономики [10]. Эта была попытка проанализировать причины, механизм и последствия нэпа для советской экономики и перспектив социалистической индустриализации. Историография нэпа девяностых годов в отличие от перестроечной, заключалась в отказе от чрезмерно оптимистических оценок и переход на более объективное освещение её сторон. Исследователи большое внимание уделяли динамике, кризисам, противоречиям, складывающейся системы, перспективам нэпа. Изучались опыт и точки зрения русских эмигрантов-экономистов 20-30-х годов [11].

По моему мнению, особый интерес вызывает коллективный труд «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах 1927-1939 гг.» под редакцией В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виола [12]. В издании на основе новых документов демонстрируется объективно без идеологических штампов начало реформ и контрреформ, свертывание новой экономической политики и начало насильственной коллективизации. Авторы считают, что период с 1925 г. по 1927 г. был именно периодом нэпа без принудительных хлебозаготовок. «Все же за столь короткий период с достаточной убедительностью выявилась способность нэпа через развертывание рыночных отношений активизировать все наличные производственные силы страны, обеспечить общий хозяйственный подъем как основу движения к социализму» [13].

В этот период получает развитие проблема соотношения власти и общества, которая оставалась вне поля зрения историков. Большинство исследователей считают, что при исследовании экономической политики необходимо рассматривать в связи с ней как экономические аспекты, так и политические и идеологические. К середине девяностых годов в изучении политической системы двадцатых годов сложилось несколько подходов. Первый заключался в отрицании разницы между политическими системами 20-х и 30-х годов, признании, что в то время в стране сложилась тоталитарная система. Второй подход основан на констатации существенных различий между авторитарным нэпом и тоталитаризмом 30-х годов.

В 20-е годы, по мнению исследователей, Россия по объему прав и свобод мало чем отличалась от стран Восточной Европы, Центральной и Южной Америки и т.д. Другие ученые рассматривают 20-е годы как период идеологической и политической подготовки перехода к административно-командной системе, как единый процесс вызревания и осуществления революционных преобразований [14]. Реформы 20-х годов и 80-90 - х годов имеют общее в том, что они начинались и регламентировались «сверху», без учета законов экономического развития. В советской историографии отсутствует традиция конкретного увязывания политических доктрин с социально-политическими и экономическими факторами. Объясняется это господствующим представлением о роли идеологии в политической борьбе в «верхах» [15].

Серьезный вклад в историографию нэпа внес коллективный труд «НЭП. Приобретения и потери» [16], в котором рассматривался опыт проведения реформ в СССР. В этот период разрабатывалась традиционная для отечественной историографии крестьянская тематика, вопросы кооперативного строительства и т.д. [17]. По мнению ряда авторов, благодаря стараниям большевиков «кулаки» были выбиты из состояния экономической стабильности, лишились большей части земельных владений и перестали быть основой стабильного развития сельского хозяйства. Пришедшие на смену им артели, коллективные хозяйства в большинстве своем отличались бесхозяйственностью, неорганизованностью.

В последнее время вышли в свет обобщающие работы, в которых исследуются противоречия становления рыночной экономики в 20-е годы и её итоги [18]. Ряд зарубежных историков проявили интерес к данной проблематике в связи с переменами в новейшей истории России. Но всех их объединяет понимание нэпа как результата острого политического противостояния в большевистской партии в борьбе за власть [19].

Изменения общественно-политического строя, экономической политики способствовали новому осмыслению проблем новой экономической политики. Возможно ли было использовать методiku нэпа в условиях экономических реформ переходного периода конца XX - начала XXI веков? Каким образом отреагирует

общество на эти перемены? Возможно ли было учесть опыт и ошибки двадцатых годов с тем, чтобы с минимальными потерями для общества провести кардинальные реформы? По-новому оценивались успехи и возможности нэпа и то, что во многом благодаря преждевременным, необоснованным действиям властей эти реформы были прерваны. С другой стороны, государственное регулирование в экономике такой страны, какой являлась Россия, и предшествующий период, характеризовавшийся незаконченностью начатых реформ, оправдывал такую степень государственного вмешательства.

Ряд работ по-прежнему свидетельствуют о восприятии нэпа как политики временных реформ, уступок проблемам переходного периода и признании молодым российским правительством необходимости отхода от непосредственного строительства социализма [20].

В начале XXI века появились работы, авторы которых пытаются объективно оценить опыт нэпа. Учитываются как ошибки, так и положительные результаты деятельности правительства и партии большевиков. Рассматриваются различные вопросы реформ двадцатых годов XX столетия через общую проблематику восстановления и дальнейшей реконструкции экономики и общественных отношений в российском обществе [21].

Нэп по сумме своих экономических и политических событий был одним из классических явлений переходного периода для страны со слабо развитой промышленностью, с преобладающим сельским населением. Монополизация промышленности, её ведущих отраслей способствовала лишь краткосрочным успехам, а в общественно-политической сфере это приводило к диктатуре. Не отрицая эффективность принятых мер в области экономики в двадцатых-тридцатых годах XX века, они несли в себе новые, более серьезные вопросы, которые требовали разрешения. Ведь в последующем, правительство не единожды пыталось реформировать как экономику, так и общественные отношения в рамках социалистических общественных отношений.

Особняком в историографии нэпа стоит крестьянский вопрос и протестные выступления на начальном этапе мирного становления Советской власти [22]. Этот период можно считать продолжением гражданской войны в особых условиях становления новой общественно-политической системы. Для России этот вопрос извечный, как и земельный. В своих откровенных письмах крестьяне выражали объективное состояние дел в деревне, в крестьянском подворье. «Как и всем, так и Советской власти не безызвестно, что крестьяне Советской России находятся в критическом положении и влачат жалкое существование» [23]. Крестьянство занимало ту позицию, которая определялась аграрной политикой правительства, означавшую решение земельного и продовольственного вопросов. Это служило причиной возникновения конфликта между государством и крестьянством. «Зачастую человек оказывался по ту или иную сторону фронта по причинам чисто житейским, не имеющим ничего общего с идеологией противоборствующих лагерей. Крестьянская война 1917-1921 гг. - следствие политики большевиков, которые своей регламентацией пытались превратить крестьянство «в государственных батраков» [24].

Проблема коллективизации в исторической литературе по сей день вызывает острый интерес и дискуссии. Но большинство авторов сходятся во мнении, что эта история российской деревни была трагична и ошибочна, послужила началом коренной ломки крестьянского хозяйства. В исследованиях анализируются проблемы жизнедеятельности, положения и роли крестьянства в социально-экономических

преобразованиях, политика партии и взаимодействие различных экономических укладов в перестроечной деревне [24].

Новая экономическая политика и её последствия для Кубано-Черноморской области, и последовавшие за ними коллективизация и индустриализация, представлены широким кругом исследований [25]. Область обладала рядом особенностей, которые и определили ход, методику, механизм и результаты реформ. Пограничная южная окраина России с доминирующим сельским, казачьим населением, сословными противоречиями, сложным землеустройством, слаборазвитой промышленностью, ориентированной на переработку сельскохозяйственной продукции - эти факты формировали центры противоречий в переходный период и служили объектами исследований. Протестные выступления казачества по отношению к большевикам выражались в боевых действиях «бело-зеленых» отрядов в наиболее активной фазе в 1921-1922 г.г. [26]. Но и в последующем «бело-зеленые» формирования в течение двух лет создавали проблемы Советской власти, переродившись из политического в уголовный элемент. Казаки активно противостояли реформам, а большевики стремились уничтожить экономические основы индивидуального крестьянского хозяйства.

В ходе революционных преобразований мы пытаемся находить себе кумиров и зачастую осмыслить и обосновать противоречивые явления в отечественной истории. История идет в таких случаях в услужение политикам и властям. Власть не может быть независимой, как и общество. Если мы нарушаем эти принципы, появляется соблазн необъективной трактовки исторических событий. При рассмотрении проблем нэпа следует исходить из того, что они пережили процесс зарождения, развития и угасания. Не следует идеализировать новую экономическую политику, она выполнила свои задачи в рамках существующего политического строя. Никто не имел практического опыта строительства социалистического общества, поэтому утверждать, что нэп был временным явлением, было бы неправильно. Реализация нэпа оказала самое серьезное влияние на экономические и политические условия развития страны, культуру масс, основы формирования структур новой власти.

В мировой практике в переходный период развития государства прослеживаются определенные тенденции. Чем сложнее и проблематичнее условия, тем в большей степени утрачиваются формационные характеристики, вследствие чего возникают проблемы обороноспособности, международной безопасности, нарастают социальные проблемы. В этих условиях проявляются противоречия между политической надстройкой и проводимыми экономическими реформами, и появляется соблазн перехода к авторитарным методам руководства и «агрессивному» вмешательству государства в экономику и её полной регламентации. Россия в своем историческом развитии прошла именно этот путь.

Примечания:

1. Маслов С.С. Колхозная Россия М.: Наука, 2007. С. 302.
2. Каменев Л. Положение в стране и в партии. М.: Красная новь, 1923. С. 7.
3. Кактынь А. Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики). М.: Красная новь, 1924. С. 130.
4. Штейн Б.Е. Торговая политика и торговые договора Советской России 1917-1922 гг. М.; П.: Гос. изд-во, 1923. С. 247.
5. Кон С. Опыт Советской национализации // НЭП. Взгляды со стороны: сборник / сост. В.В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1992. С. 29.

6. Смирнский В.И. Динамика коллективного земледелия и социальная структура Кубанского округа. Краснодар, 1930. Вып. 2. С. 63; Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928. С. 56; Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Краснодар: Буревестник, 1924. С. 96; Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 78.
7. Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. С. 503.
8. Проблемы аграрной истории советского общества: материалы науч. конф., 9-12 июня 1969 г. / отв. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1971. С. 367.
9. НЭП и хозрасчет. Экономика. М., 1991. С. 364.
10. Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): материалы междунар. конф., г. Москва, 14-15 июня 1994 г. / под ред. В.П. Данилова, Л.В. Милова. М., 1994. С. 440.
11. НЭП. Взгляд со стороны: сборник / сост. В.В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991. С. 304; Формирование административно-командной системы (20-30-е годы): сб. ст. / под ред. В.П. Дмитренко. М.: Наука, 1992. С. 234.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 // Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927-ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 880; Голод 1932-1933 годов: сб. ст. / отв. ред., вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 96.
13. Там же. С. 16.
14. Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994. С. 191.
15. Там же. С. 11.
16. Дэвис Р.У., Дмитренко В.П., Мау В.А. НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 217.
17. Шмелев Г.И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: Наука, 2000. С. 225.
18. Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917-1920 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 300; Лютова Л.Н. Промышленность России в годы НЭПа (1921-1929 гг.). Ульяновск, 2000; Данилин А.Б. Нэповская Россия: «социалистическая рационализация» рынка труда // Новый исторический вестник. 2001. № 3. URL: [http:// www.niveb1nik.ru](http://www.niveb1nik.ru).
19. Соколофф Ж. Бедная держава. История России с 1815 года до наших дней. М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2008. С. 888; Верт Н. История Советского государства. М.: Весь Мир, 2006. С. 560.
20. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История Советского государства. М.: Норма, 2008. С. 720; Никаноров Г.Л. Надрыв: правда и ложь отечественной истории XX века. М.: КомКнига, 2007. С. 536; Галин В.В. Запретная политэкономия. Красное и белое. М.: Алгоритм, 2006. С. 608; Щербинин С.А. Становление большевистской власти на Дону и Кубано – Черноморье и её общественное восприятие. Славянск – на – Кубани: Изд. центр СГПИ, 2006. С. 164; Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М.: Алгоритм, 2007. С. 256; Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Воспоминания современника. М., 1991. С. 367.
21. Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?... Феномен крестьянского бунта 1917-1921 гг. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. С. 338; Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики 1921-1928 гг. М.: Кучково поле, 2006. С. 704; Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: история, генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2007. С. 343.

22. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 232; История Советского крестьянства: в 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти 1917-1927 / отв. ред. В.П. Данилов. М.: Наука, 1986. С. 455.
23. Литвин А.Л. Красный террор в России. 1918-1922 гг. М.: Эксмо, 2004. С. 285; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 61.
24. Телицын В.Л. Указ. соч. С. 310.
25. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х-30-х годах XX века. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2006. С. 520; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 336; Осколков Е.Н. Голод 1932-1933 гг. Ростов н/Д, 1991. С. 91; Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. С. 302; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. С. 519.
26. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе 1927-1937 гг. / под ред. П.В. Семерника, Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972. С. 832; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920-1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 304.